

ЧУЖАЯ ВОЙНА: ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ МОНГОЛОВ В 1237–1242 г.
В ХРОНИКЕ ФОМЫ АРХИДИАКОНА СПЛИТСКОГО¹

В 1230 г. соборный капитул далматинского города Сплита, расположенного на восточном побережье Адриатического моря, избрал себе нового архидиакона, которым стал родившийся в Сплите в 1200 г. клирик Фома. Он учился в Италии; в то время самое большое впечатление на него произвела встреча со святым Франциском: «В том же году² в день Успения Богородицы, когда я учился в Болонье, я видел святого Франциска, проповедующего на площади перед общественным дворцом, куда собрался почти весь город. Темой его беседы были ангелы, люди, демоны. Он так хорошо и ясно проповедовал об этих трех видах разумных духов, что многие присутствовавшие ученые люди были немало удивлены речью профана; сам же он оставался в образе не проповедника, а, так сказать, оратора в народном собрании. Ведь вся суть его слов была направлена на искоренение вражды и на восстановление мирных отношений. Одежда его была грязной, внешность его вызывала презрение, лицо некрасиво. Однако Бог сообщил его словам такую действенную силу, что многие знатные роды, между которыми бушевала чудовищная буря застарелой вражды, обильно политая кровью, пришли к примирению»³.

Фома был также свидетелем того, как в 1242 г. войско под руководством Кайдана, внука Чингисхана, стояло перед воротами Сплита. Позднее он составил летопись архиепископства и города Сплита, которая освещает события до 1266 г. (два года до смерти Фомы)⁴. В ней он подробно сообщает — к тому времени уже с некоторой дистанции от описываемых событий — о вторжении монголов в Венгрию и о походе одной части войска до самого побережья с целью достигнуть венгерско-хорватского короля Белу IV.

В нашем распоряжении находится большое количество источников на латинском языке, касающихся монголов: сообщения путешественников, миссионеров и посланников. Папский посланец в Венгрии Рогерий попал в плен к монголам; после побега он сочинил «Горестную песнь» (*Carmen miserabile*), произведение, в котором описал пережитое им, а также приобретенный в плену опыт. Рогерий был архиепископом Сплита с 1250 г.; тем самым возможно, что архидиакон Фома получил некоторые сведения лично от него⁵.

¹ Перевод Евгения Титова, Киль.

Статья является сокращенным вариантом статьи, опубликованной на немецком языке: *Der fremde Krieg: Die Heerzüge der Mongolen 1237–1242 im Spiegel der altrussischen und lateinischen Chronistik // Südosteuropa. Von vormoderner Vielfalt und nationalstaatlicher Vereinheitlichung. Festschrift für Edgar Hösch /* Ред. Konrad Clewing, Oliver Jens Schmitt. München, 2005 (=Südosteuropäische Arbeiten 127). С. 93–118. Так как русскому читателю отечественные источники о походах монголов хорошо известны, в переводе выпущено подробное представление этих источников в немецкой версии статьи.

² В предыдущем абзаце Фома упоминает землетрясение, которое произошло на севере Италии 25 декабря 1222 г. (ср. пояснения в изданиях).

³ *Thomas archidiaconus. Historia Salonitana /* Подгот. F. Rački. Гл. 26. Zagreb, 1894 (*Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium* 26). С. 98 (далее — *Thomas archidiaconus*). Новое, но, тем не менее, не более надежное издание: *Historia Salonitana. Toma Arhidakon. Povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika (Thomae archidiaconi. Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum) /* O. Perić. [Комментарий:] M. Matijević Sokol. [Исследование] R. Katičić. Toma Arhidakon i njegovo djelo. Split, 2003 (= *Knjiga Mediterana* 30). Р. 152, 154 (далее — *Historia Salonitana*). Очень надежный, хорошо комментированный русский перевод: *Фома Сплитский. История архиепископов Салони и Сплита /* Перевод и пояснения О. А. Акимовой. М., 1997. С. 78.

⁴ Жизнь и произведение архидиакона Фомы освещается в труде Мирьяны Сокол: *Matijević Sokol M. Toma Arhidakon i njegovo djelo. Ranu doba hrvatske povijesti. Jastrebarsko, 2002*, а также в новом сборнике: *Matijević Sokol M., Perić O. Toma Arhidakon i njegova doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25–27. Rujna, 2000. Godine u Splitu. Split, 2004* (= *Knjiga Mediterana* 35). Однако ни одна из статей в этом сборнике не посвящена в особенности тем главам, которые находятся в центре внимания данного исследования.

⁵ *Rogerii Carmen miserabile /* Подгот. Ladislaus Juhász // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum /* Подгот. E. Szentpétery. Budapest, 1938. Bd. II. Р. 543–588. Перевод R. von Torre Maggiore: *Klagelied // Der Mongolensturm. Berichte von Zeitzeugen und Zeitgenossen 1235–1250 /* Подгот. Göckenjan H., Sweeney J. R. Graz; Wien; Köln, 1985 (= *Ungarns Geschichtsschreiber* 3). Р. 93–125.

Среди имеющихся источников на латинском языке *Historia Salonitana* Фомы, наряду с *Carmen miserabile* Рогерия, служит важнейшим источником для исследования вопроса о ведении войны монголами в Венгрии. Кроме того, произведение Фомы является единственной региональной хроникой того времени, которая описывает вторжение монголов в контексте других событий той эпохи. Именно по этой причине при изучении вопроса, какое же впечатление произвела «чужая война», используется, наряду с древнерусским летописанием, практически исключительно летопись Фомы. В данном исследовании речь идет в меньшей степени о том, какие различия в ведении войны и боевой технике русского и венгерского войска, с одной стороны, и монгольского, с другой стороны, позволяют выявить источники. В центре внимания стоит скорее вопрос, как авторы текстов воспринимают и толкуют происшедшее.

Хотя нашествие монголов в Венгрию произошло лишь в 1241 г., сведения об их продвижении вплоть до Адриатического моря распространились, по всей видимости, уже в 1239 г., поскольку Фома сообщает: «В том же году [1239] видна была звезда с ярким хвостом — комета, которая зависла на севере, будто бы над королевством Венгрия, оставалась на месте много дней и казалась знаменем предстоящего великого события. Ведь в те дни уже долетела до слуха каждого горестная молва о том, что нечестивый народ татар вторгся в пределы христиан, в земли Рутении; однако многие считали это вроде бы шуткой»⁶.

Здесь, однако, Фома ограничивается еще намеками и предсказаниями. Лишь после достаточно продолжительного повествования об истории города, прежде всего о назначении на должность Гаргана, первого подеста Сплита⁷, и его последующей деятельности, начинается глава *De peste Tartarorum*, «О татарской напасти»⁸.

Изначально «татарами» называли группу племен Внутренней Азии, которая была покорена Чингисханом. В скором времени этим понятием стали обозначать все немонгольские войска, находившиеся под командованием монголов; Фоме самому также известна разница: «Упомянутые племена на своем родном языке называют себя монголами». Как он несколько позднее объясняет, «у них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов⁹, которых они насильно заставляют сражаться»¹⁰. В последующем повествовании, однако, больше не прослеживается четкое различие между монголами и оказывающими им помощь народами.

Наконец, союз монголов и сотрудничающих с ними народов в целом называется в латинских источниках практически всегда словом «tartari», очевидно, совершенно осознанно, чтобы достичь звукоподражательного эффекта по отношению к Тартару, глубочайшему месту подземного царства¹¹. Сам Фома дает два объяснения: *tartari* — обычное для рукописей написание — получили свое имя от названия какой-то реки или же от слова *tatar*, которое обозначает *multitudo*, «множество»¹².

Как общее наименование для монголов и сотрудничающих с ними народов слово используется и в древнерусском, и в современном русском языке, правда, в более правильной форме *татары* и без особого второстепенного значения. Данное написание и будет использовано в дальнейшем, за исключением лишь тех случаев, когда в самих цитатах стоит «тартары».

⁶ *Thomas archidiaconus*. Гл. 33. С. 122; *Historia Salonitana*. Р. 196; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 96.

⁷ Подеста представляет собой временное, извне назначенное городское должностное лицо высшего ранга, которое обязуется не стоять на стороне ни одной из группировок в пределах городской коммуны; в отношении вопроса, каким образом функционировала эта с XII в. особенно в северной Италии распространенная должность, которую сам Фома называет *regimen Latinorum*, сочинение Фомы является первоклассным источником.

⁸ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 132; *Historia Salonitana*. Р. 216; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 104. В латинских источниках мы находим почти всегда вариант *Tartari*, в том числе и в произведении Фомы.

⁹ *Cumani*, «куманы»: синонимичное название половцев, которое используется в латинских источниках.

¹⁰ *Thomas archidiaconus*. Гл. 37. С. 168–169, 170; *Historia Salonitana*. Р. 238, 240; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 113, 114.

¹¹ Относительно наименований см.: *Schmieder F. Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen, 1994 (=Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters 16). S. 22–23.

¹² *Thomas archidiaconus*. Гл. 37. С. 169; *Historia Salonitana*. Р. 238; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 114.

Глава «О татарской напасти» начинается следующим образом¹³: «На пятый год царствования Белы, сына короля Венгрии Андрея, и на второй год правления Гургана губительный народ татар приблизился к землям Венгрии. А ведь тому уже было много лет, как слух об этом народе и ужас перед ним распространились по всему свету. Они прошли от восточных стран до границ рутенов, разоряя земли, которые они пересекали. Но благодаря сильному сопротивлению рутенов они [татары] не смогли продвинуться дальше; действительно, у них было множество сражений с народами рутенов и много крови было пролито с той и другой стороны, но они были далеко отогнаны рутенами». Фома обращается здесь к событиям 1223 г., когда еще был жив Чингисхан. Но в его распоряжении находятся недостоверные данные. Ведь хотя татары и удалились в 1223 г., сделали они это лишь после того, как войско русских князей потерпело полное поражение на реке Калке к северу от Азовского моря.

Толкование монгольского нашествия 1223 г. в Новгородской первой и в Лаврентьевской летописях¹⁴ как исполнение предсказаний о конце света, сделанных Псевдо-Мефодием, стало популярным во время второго нашествия монголов и на Западе начиная с 1237 г.¹⁵ Но именно архидиакон Фома как просвещенный человек своего времени настроен на сей счет скептически: «Тогда многие ученые люди, изучавшие древние писания, заключали, главным образом из слов Мефодия мученика, что это и есть те народы, которые должны были явиться перед пришествием Антихриста»¹⁶. Фома ограничивается лишь констатацией факта; он избегает отождествления себя с этим высказыванием.

После сражения на Калке спокойствие царило еще 15 лет; древнерусские летописи не содержат тем временем больше никаких дополнительных данных о татарах. Сплитский архидиакон Фома также знает об этом спокойном времени; однако он называет слишком долгий срок: «Поэтому, свернув в сторону, они с боями прошли по всем северным землям и оставались там двадцать лет, если не дольше. А потом, пополнив свои воинские соединения, прежде всего, за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов. Сначала они окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили, а самого короля по имени Георгий они предали смерти вместе с огромным множеством его народа. Двинувшись оттуда по направлению к Венгрии, они разоряли все на своем пути»¹⁷.

Течение событий представлено у Фомы в сильно сокращенном виде: после того как в 1235 г. на собрании в Каракоруме было принято решение совершить поход на Запад под предводительством великого хана Угедея, монгольское войско подчинило себе с 1237 по 1240 г. русские княжества¹⁸. Все началось со взятия Рязани 21 декабря 1237 г. и закончилось разорением Киева 6 декабря 1240 г. Новгороду не пришлось испытать нападения монголов весной 1238 г., поскольку оттепель предотвратила наступление. Упомянутый Фомой князь Георгий (Юрий Всеволодович), был убит 4 марта 1238 г. в сражении на реке Сити к северо-востоку от Ярославля¹⁹.

Что касается этих событий, древнерусское летописание выступает вновь в качестве основного источника. Летописцам способ ведения войны татарами был, очевидно, чужд из-за быстроты их движений, из-за

¹³ Ср. прим. 7.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 61–62 (далее — НПЛ); ср. также в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. (Репринтное издание: М., 1962). Стб. 445–446.

¹⁵ Относительно Псевдо-Мефодия ср., наряду с другими: Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 257–263; Schmieder F. Europa und die Fremden. S. 259–261.

¹⁶ *Thomas archidiaconus*. Гл. 37. С. 171; *Historia Salonitana*. P. 242; Фома Сплитский. История архиепископов Салони и Сплита. С. 115.

¹⁷ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 132–138; *Historia Salonitana*. P. 216; Фома Сплитский. История архиепископов Салони и Сплита. С. 104.

¹⁸ Всеобъемлющее изложение событий 1237–1242 г.: Göckenjan H. Der Westfeldzug (1236–1242) aus mongolischer Sicht // Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen / U. Schmielewski. Würzburg, 1991. S. 35–74.

¹⁹ Точная дата дается в Лаврентьевской летописи (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465); сообщение без даты в Новгородской первой летописи (см.: НПЛ. С. 74). Наряду со скрупулезным изложением событий и рядом карт и схем городов Д. Г. Хрусталева (Хрусталева Д. Г. Русь. От нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб., 2004. С. 288–298) предлагает хронологическую таблицу событий с 1194 по 1272 г. с колонками «Южная и Западная Русь», «Северо-Западная Русь», «Западная Европа» и «Восток».

планомерного разрушения целых городов и из-за того обстоятельства, что они не оказывали пощады ни духовным лицам, ни женщинам, ни детям²⁰. Нам следует, однако, отдавать себе отчет в том, что насилие, исходившее от татар, отличалось лишь градуально от прочего насилия, о котором сообщают летописцы.

Тогда как Новгородская первая летопись не содержит никаких сведений о дальнейшем походе монголов в Венгрию, в Лаврентьевской летописи мы находим краткое известие под 1241 г.²¹ Ипатьевская летопись даже сообщает о том, что Дмитрий, тысяцкий Киева, назначенный князем Даниилом Романовичем Галицким, посоветовал Батюю после взятия города и попадания в плен к монголам как можно быстрее отправиться в Венгрию, прежде чем она наилучшим образом вооружится, «ибо он видел русскую землю погубленной нечестивым. Батый же последовал совету Дмитрия и отправился в Венгрию»²². В этой форме известие о совете Дмитрия однозначно не является достоверным; вызывает недоумение, с каким равнодушием летописец рассказывает о целенаправленном отклонении несчастья по направлению к Венгрии.

Для изображения монгольских походов в русские княжества в 1237–1240 г. характерно религиозное толкование, осуществляемое посредством образности. Когда татары называются «безбожниками», «проклятыми», «язычниками», «измаильтянами», «беззаконниками» или «проливателями христианской крови», они выступают как представители зла. То, что татары остаются бессильными по отношению к Новгороду, могло произойти, по мнению хрониста, только благодаря Богу, собору святой Софии в Новгороде, святому Кириллу Иерусалимскому — святому, почитаемому 18 марта, — и молитвам архиепископов, князей и священноинок²³. Вместе они были в этот раз сильнее, чем зло, так что татары прервали 18 марта из-за оттепели продвижение в сторону Новгорода.

Но в других местах татары выступают и как орудие Бога: «Из-за наших грехов Бог послал против нас язычников. В гневе Бог ведет в наши края чужеземные племена». Бог наказывает «смертью, голодом, нападением язычников, засухой или сильным дождем»²⁴. Лаврентьевская летопись вкладывает в уста двух владимирских князей, братьев Всеволода Юрьевича и Мстислава Юрьевича, перед безнадежным сражением следующие слова: «Господь Бог послал их против нас из-за наших грехов»²⁵. Главной причиной ликования дьявола или наказания Бога является вечное разногласие русских князей между собой. В конце концов, ни в коей мере нельзя сказать, что здесь дается цельное толкование или царит полная однозначность; мы имеем дело с усиленным, однако привычным задействованием распространенных, часто цитируемых изречений с целью повышения религиозного воздействия.

Архидиакон Фома также использует религиозные толкования в ходе своего рассказа о татарах в Венгрии и Хорватии: как он повествует, после сражения у реки Шайо, к северо-востоку от современного Будапешта, 11 апреля 1241 г. в торговом поселении Пешт на восточном берегу Дуная напротив Буды собралось большое число беженцев. Вопреки совету младшего короля Коломана, сына короля Белы IV, они не бежали на другую сторону Дуная, а попытались на скорую руку укрепить поселение: «Они считали, что будут в состоянии противостоять небесному мечу»²⁶. Затем Фома повествует о взятии поселения:

²⁰ Варианты перечислений, например, в Ипатьевской летописи: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 781; в Лаврентьевской: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464; в Новгородской: НПЛ. С. 75.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786; идентичный текст в Софийской первой летописи (см.: ПСРЛ. СПб., 2000. Т. 6. Вып. 1. С. 176). Обе летописи лаконично упоминают под конец сражение на реке Шайо в 1241 г., продвижение татар до Дуная и их пребывание в Венгрии в течение трех лет. Хрусталева (см.: Хрусталева Д. Г. Русь. От нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. С. 205) обращает внимание на высказанные сомнения в достоверности известия о совете тысяцкого.

²³ См.: НПЛ. С. 76. Упоминание святого Кирилла (18 марта) подтверждает достоверность данных хроники относительно взятия Торжка 5 марта, хотя тем самым трудно объяснить указанный день недели — среда четвертой недели Великого поста — поскольку в 6746 (1238) г. 5 марта совпал с пятницей третьей недели. Тот факт, что хроника ошибочно называет Никона патроном 5 марта, можно объяснить опiskой — вместо святого Конона, заступника-патрона 5 марта.

²⁴ НПЛ. С. 76; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167–168; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 157.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462.

²⁶ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 165; *Historia Salonitana*. P. 230; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 111. Вопрос религиозного толкования становится вновь актуальным при продвижении турок. Еще в позиции Лютера по отношению к туркам мы видим, что они воспринимаются и как наказание Божье, и как воплощение сатаны; он

«Поистине вся эта зараза затопила Пешт. Именно там меч Божеского возмездия более всего обагрился кровью христиан»²⁷. И здесь татары предстают как орудие Бога. Вообще же с чумой, *pestis* на латинском, сравниваются Фомой не только татары: так он называет и оруduющих перед его родным городом пиратов из крепости Омиш, расположенной в 20 километрах к юго-востоку от Сплита²⁸.

Как и в Новгородской первой летописи²⁹, в сочинении нашего хрониста из Сплита архидиакона Фомы неоднократно используется сравнение с саранчой³⁰. Татары появляются в большом количестве, уничтожают все и исчезают так же быстро, как и пришли. В то же время это сравнение вызывает ассоциацию с языком Ветхого Завета и воспоминанием о саранчевой напасти в Египте (Исход 10: 12—19) и представляет тем самым вторжение татар как наказание Божье. Фома рассказывает об одном монахе, который посетовал на Бога, почему тот позволил свершиться в Венгрии такому большому несчастью. После этого монаху явилось ночью видение, и он услышал голос: «"Не удивляйся, брат, и приговор Божий пусть не кажется тебе несправедливым, потому что, хотя милосердие Божие и выдержало многие преступления этого народа, но Бог никак не смог стерпеть нечестивого распутства трех епископов". Но о ком именно это было сказано, мне достоверно неизвестно»³¹.

Фома хранит тайну; до сих пор имеются лишь предположения о том, кто были эти три епископа³², и неясно, что они сделали. Но, как и во многих местах своей хроники, Фома, очевидно, иронизирует и здесь, в таком серьезном контексте, со своей скрытой враждебностью по отношению к венграм. Не отказывая архиепископу Угрину Калочскому в боевой храбрости, он делает конкретный упрек венгерским духовным лицам, которые либо пали в бою, либо, как Угрин, утонули в болоте во время бегства. Почему Бог обрек их на столь «жестокую кончину» и осудил на столь «ничтожное погребение»? «"Судьбы Твоя — бездна многа"»³³. Несчастные страдальцы, насколько больше они могли бы помочь себе и своему народу добрыми делами и горячими молитвами, вознося их в святых храмах к твоему грозному величию, чем, ночуя в лагере мирян, препоясавшись материальным оружием»³⁴.

Эти слова свидетельствуют о глубокой вере Фомы в силу действия орудия духовных лиц — молитвы. Важнее, однако, является тот факт, что архидиакон имеет ясное представление о разделении обязанностей мирян и священнослужителей. Едкое замечание Фомы по отношению к венгерским клирикам относится и к его собственному маленькому миру городской коммуны Сплита. Фома активно участвовал в борьбе за разделение церковных и муниципальных интересов; прежде всего он был недоволен попытками коммуны навязать свои решения церкви.

Но по сравнению с изложением событий в древнерусских летописях повествование Фомы отличается меньшим употреблением толкований религиозного характера; вместо этого он использует реалистическую, богатую сравнениями манеру изложения. Венгры падают в бою, «как желуди с

указывает на их методы ведения войны, чуждые ему; ср. *Löser F. Luther und der Krieg gegen die Türken // Dulce bellum inexpertis. Bilder des Krieges in der deutschen Literatur des 15. und 16. Jahrhunderts /* Ред. Н. Brunner и другие. Wiesbaden, 2002 (Imagines Medii Aevi 11). S. 332—393.

²⁷ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 166; *Historia Salonitana*. P. 232; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 112.

²⁸ *Thomas archidiaconus*. Гл. 35. С. 128; *Historia Salonitana*. P. 208; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 103.

²⁹ НПЛ. С. 74.

³⁰ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 161, 164; *Historia Salonitana*. P. 224, 228; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 108, 109.

³¹ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 168; *Historia Salonitana*. P. 236; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 113.

³² Ср.: *Spalato T. von. Geschichte der Bischöfe von Salona und Spalato vom hl. Domnius bis auf Rogerius (†1266) (cap. 36—39) // Der Mongolensturm*. S. 264, прим. 22а.

³³ Эта цитата из Псалтыри не была идентифицирована ни в изданиях, ни в переводе. Так, Акимова (*Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 109) переводит с латыни: «Поистине многие приговоры твои непостижимы».

³⁴ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 163; *Historia Salonitana*. P. 228; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 109.

сотрясаемого дуба» или «как осенние листья». При взятии Пешта стоял такой шум от резни, «будто множество топоров валило на землю мощные дубовые леса». Жертвы резни, организованной татарами под предводительством Кайдана во время их похода вдоль побережья в 1242 г. в Хорватии вблизи Срб на Уне, остались лежать, «как валяются обычно разбросанные по полю снопы»³⁵.

Особенно бросается в глаза то, как часто Фома сравнивает венгров со стадом овец. Тем самым он однозначно следует традиции языка Библии, использующего это сравнение при изображении беззащитности и беспомощности; возможно, однако, что у него перед глазами были стада овец, хорошо знакомые ему по Далмации. Перед сражением у реки Шайо военачальник монголов Батый наблюдает за венгерским лагерем и обращается к своим людям со следующими словами: «Друзья, мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково. Я ведь видел, что они, как стадо без пастыря, заперты словно в тесном загоне». О побеге из татарского окружения Фома сообщает следующее: «Они метались по кругу, как овцы в загоне, ищущие спасения от волчьих зубов». А прежде чем татары напали на переполненное беженцами поселение Пешт, их предводители произвели разведку местности, «как хищные волки, ненасытность которых разжигается неутолимым голодом и которые обычно с вождением смотрят на овчарни, выглядывая добычу»³⁶.

Следует задаться вопросом, преобладает ли в сравнении с овцами явно позитивная библейская образность, или Фома желает лишь пробудить воспоминание о свойственной овцам наивности. Ведь он так же, как и Рогерий в «Горестной песне»³⁷, жестко критикует окружение короля Бельи: подготовка к обороне началась слишком поздно; среди предводителей царил слишком большой раздор; ошибки были допущены и при ведении боевых действий: так, король приказал накануне сражения на Шайо поставить палатки тесно друг к другу, что привело к тому, что «все они разместились словно в очень тесном загоне»³⁸. В повествовании Фомы обнаруживается наряду со страхом, сочувствием, порой злорадством и ощущение счастья в связи с тем, что ему самому удалось избежать опасности³⁹.

Несмотря на преднамеренную субъективность, сочинение архидиакона Фомы является, как уже было отмечено вначале, главным источником по военным походам монголов в 1241–1242 г.: так, особенно в главе «О свойствах татар», он стремится писать о них как можно более беспристрастно и объективно.

После взятия Киева 6 декабря 1240 г. монгольское войско продолжило свой путь в западном направлении. Во Владимире-Волынском войско разделилось; одно крыло двинулось к северу от Карпат под предводительством брата Батыя Орды-Ичена, разорило Краков и нанесло войску герцога Силезии Генриха II в сражении под Лигницем 9 апреля 1241 г. тяжелое поражение⁴⁰. Марш через Польшу должен был, очевидно, воспрепятствовать тому, чтобы венгерский король мог получить оттуда помощь. После победы под Лигницем северная часть войска обратилась также на юг и воссоединилась около Пешта на восточном берегу Дуная с основной частью войска. Об этом походе на север архидиакону Фоме ничего неизвестно.

Остальные части войска воспользовались различными переходами через Карпаты, чтобы проникнуть в Среднедунайскую низменность. Основная часть войска под предводительством Батыя встретила 11 апреля 1241 г. с венгерской армией во главе с королем Белой у реки Шайо. Фома

³⁵ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36, 39. С. 163, 167, 174; *Historia Salonitana*. P. 226, 232, 248; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 108, 109, 112, 118.

³⁶ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 160, 162, 166; *Historia Salonitana*. P. 222, 226, 232; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 107, 108, 111.

³⁷ Критикой пронизан весь текст Рогерия; в качестве примера может служить следующее место: *Rogerii Carmen miserabile*. Гл. 28. С. 559: перед сражением на Шайо врагу оказывалась поддержка; некоторые бароны надеялись на поражение короля, чтобы тем самым поставить его в зависимость от себя.

³⁸ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 160; *Historia Salonitana*. P. 222; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салони и Сплита. С. 106–107.

³⁹ *Canetti E.* Masse und Macht. Hamburg, 1960. S. 259 («Der Augenblick des Überlebens ist der Augenblick der Macht»: «Момент выживания — момент мощи»).

⁴⁰ О восприятии этого события ср.: *Schmieder F.* Der Einfall der Mongolen nach Polen und Schlesien — Schreckensmeldungen, Hilferufe und die Reaktionen des Westens // *Wahlstatt 1241*. S. 77–86.

подробно описывает поражение, обусловленное легкомыслием в ходе подготовки и безрассудством во время бегства. Ведь татарское войско в количественном отношении ни в коей мере не превосходило венгерскую армию, что Фома вкладывает в уста самого же полководца Батия и что следует считать совершенно правдоподобным. Татарам удалось окружить весь лагерь *veluti quadam chorea*, «словно в хороводе». Потом они позволили беженцам, согласно испробованному ими методу ведения войны, отклониться в одну сторону из окружения, а немного позже окружили бегущих снова⁴¹. «А вдоль дорог валялись вещи несчастных, золотые и серебряные сосуды, багряные одеяния и дорогое оружие. Но татары в своей неслыханной жестокости, нисколько не заботясь о военной добыче, ни во что не ставя награбленное ценное добро, стремились только к уничтожению людей. И когда они увидели, что те уже измучены трудной дорогой, их руки не могут держать оружия, а их ослабевшие ноги не в состоянии бежать дальше, тогда они начали со всех сторон поражать их копьями, рубить мечами, не щадя никого, но зверски уничтожая всех». Подобным же образом вели себя татары и в 1242 г. во время похода по направлению к Адриатике при резне на Уне, перед которой мужчины, женщины и дети были согнаны вместе, «как стадо овец»: «И чтобы кому-нибудь не показалось, что эта лютая резня была совершена из жадности к добыче, они не сняли с них одежд»⁴².

В другом месте, однако, Фома сообщает о неслыханной добыче татар. При описании их действий после сражения у реки Шайо он не утаивает их явного интереса к добыче: «А что мне рассказать о чудовищной жестокости, с которой каждый день они терзали города и села? Согнав толпу кротких женщин, стариков и детей, они приказали им сесть в один ряд, и, чтобы одежда не запачкалась кровью и не утомлялись палачи, они сначала стаскивали со всех одеяния, и тогда присланные палачи, поднимая каждому руку, с легкостью вонзали оружие в сердце и уничтожали всех»⁴³.

Король Бела IV смог бежать в Австрию после сражения на Шайо; с лета 1241 г. он находился в районе Загреба, столицы средневековой Славонии⁴⁴, одной из территорий в составе земель короны святого Стефана. После взятия Пешта татарами полгода царил обманчивая тишина. Восточные области Венгрии находились под контролем татар, которые, как мы знаем из *Carmen miserabile* Рогерия, организовали здесь вполне эффективную, не только на насилии основанную власть; венгры также поступили к ним на службу⁴⁵.

Опасаясь того, что татарам удастся переправиться на западный берег Дуная, король отослал главные реликвии государства, мощи святого Стефана, жену и детей как можно дальше, вплоть до Адриатического побережья. Королева и ее сопровождение обосновались в крепости Клис⁴⁶, расположенной в перевале выше Сплита и известной уже с IX в., и отказали подесте Сплита, Гаргану де Арскиндис из Анконы, предлагавшему им остановиться в городе.

В январе 1242 г. полководец монголов Кайдан, двоюродный брат Батия, в самом деле пересек замерзший Дунай. Он обратился на юг, очевидно, с целью поймать короля⁴⁷. Еще до того как Кайдан переправился через Драву, пограничную реку между Венгрией и Славонией, король Бела бежал из Загреба к побережью и прибыл в Сплит. По рассказу Фома, по всей вероятности, очевидца событий,

---

⁴¹ Об этом методе см. также: *Carmen miserabile*. Гл. 26, 27. С. 569, 570.

⁴² *Thomas archidiaconus*. Гл. 36, 39. С. 160, 163, 174; *Historia Salonitana*. P. 224, 226, 248; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 109, 110, 118.

⁴³ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 168, 164; *Historia Salonitana*. P. 234, 228–230; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 110.

⁴⁴ Славония в современном смысле охватывает лишь северо-восточные районы Хорватии, находившиеся в XVI–XVII в. под османским владычеством.

⁴⁵ *Rogeri Carmen miserabile*. Гл. 35. С. 581.

⁴⁶ Объяснение в «*Thomas von Spalato*» (S. 266), что крепость находилась в то время в руках тамплиеров, не соответствует действительности: полученную в 1217 г. от Андрея II крепость им пришлось уступить хорватскому магнату Домалду; ср. *Dobronić L. Viteški redovi. Templari i ivanovci u Hrvatskoj*. Zagreb, 1984. P. 37. В чьих руках крепость находилась в 1242 г., установить невозможно.

⁴⁷ О военных походах и сражениях на территории средневековой Славонии и Хорватии, о сообщениях о них в более поздних источниках, особенно в фальшивых по большей части грамотах со ссылкой на заслуги в борьбе против татар, а также историографию см.: *Soldo J. A. Provala Tatara u Hrvatsku // Historijski zbornik 21–22 (1968–1969)*. P. 371–388.

Бела вошел торжественно в город с реликвиями⁴⁸ и в сопровождении многочисленных из других источников известных нам высокопоставленных лиц. Недовольный тем, что коммуна Сплита была не в состоянии незамедлительно предоставить в его распоряжение галеру, он отправился со своей женой и свитой в город Трогир, расположенный в 20 километрах западнее, на маленьком острове между материком и островом Чиово; там королевская семья осела окончательно.

Описанию Фомой похода Кайдана через Хорватию к побережью — резня у Срб была уже упомянута нами — здесь больше не будет уделено внимания. Как становится очевидным в дальнейшем, Фому интересовало поведение своих ближних не менее, чем поведение неизвестного противника. Когда авангард татар появился перед Сплитом, население города приняло их, согласно Фоме, за хорватов⁴⁹, т. е. за знакомых соседей и частых противников в столкновениях регионального характера. «А венгры при виде их знамен оцепенели, и их охватил такой страх, что все они бросились к церкви и с великим трепетом приняли святое причастие, не надеясь больше увидеть света этой жизни. Некоторые плакали, кидаясь в объятия жен и детей и, в горести раздирая грудь, со страшными рыданиями восклицали: “О мы несчастные, что толку было так терзать себя бегством, зачем преодолевать такие пространства, если здесь нас ждала погибель?”». Налицо параллели с поведением осажденных во Владимире, описанным в русских летописях⁵⁰. В дальнейшем Фома рассказывает о панике, охватившей стремящихся в город беженцев: «Не дожидаясь даже своих детей, гонимые страхом смерти, они бежали в более безопасные места»⁵¹. Знакомое Фоме по опыту поведение, суть которого состоит в том, что родители стараются в первую очередь спасти своих детей, больше не наблюдается.

Татары попытались взять крепость Клис, так как они предполагали, что там находится король; потом они обратились против Трогира. Хотя Сплиту тем самым удалось избежать непосредственной опасности, страх находившихся в городе венгров передался и местным жителям, и некоторые хотели даже бежать на расположенные перед Сплитом острова. «Они стали распускать пустые слухи, сочиняя разные напрасные сплетни. Одни говорили, что татары делают огромные машины и множество военных орудий, с помощью которых они попытаются разрушить города. Другие утверждали, что они насыпают кучи земли и камней с горы величиной и, оказываясь, таким образом, выше городов, легко ими завладевают»⁵². Хотя сами татары ни в коей мере не пытались взять город таким образом, эти слухи основывались, по всей видимости, на смутных сведениях о событиях в Венгрии. Ведь перед штурмом Эстергома татары наполнили защитные рвы хворостом, набросали катапультами землю в канавы и действовали пращи против деревянных укреплений⁵³.

Когда король узнал, что Кайдан стоит со своим войском перед Трогиром, он позаботился о том, чтобы его семья была размещена на кораблях, которые должны были выйти в открытое море; сам же король взошел на небольшое судно и наблюдал за происходившим на расстоянии видимости. После того как татары установили, что им не удастся пересечь водный поток, Кайдан послал гонца. «Подойдя к мосту, тот громко закричал по-

⁴⁸ Дорога в Сплит идет через горный переход вблизи крепости Клис. Здесь король взял с собой сокровища и забрал свою жену.

⁴⁹ На первый взгляд, это безобидное сравнение: татары вполне могли выглядеть как хорваты. Однако если принять во внимание многочисленные злобные замечания Фомы относительно «диких» хорватов, то сравнение может быть истолковано в негативном для хорватов свете: хорваты выглядят как татары. Мотив, в котором чужеземцы остаются неопознанными как таковые и принимаются за других, встречается в хронике и ранее: сплитчане не хотели подчиняться королю Коломану в 1105 г., так как они якобы не знали, что венгры были христианами; ср.: *Thomas archidiaconus*. Гл. 17. С. 59–60; *Historia Salonitana*. Р. 86; что касается контекста, ср. *Steindorff L. Die dalmatinischen Städte im 12. Jahrhundert. Studien zu ihrer politischen Stellung und gesellschaftlichen Entwicklung*. Köln; Wien, 1984 (Städteforschung A 20). S. 49–57.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780; переработанный и расширенный рассказ: НПЛ. С. 75.

⁵¹ *Thomas archidiaconus*. Гл. 39. С. 174–175; *Historia Salonitana*. Р. 248–250; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 118. N. Ivić (см.: *Domšljanje prošlosti. Kako je trinaestostoljetni arhidakon Toma napravio svoju salonitansku historiju* / Ivić N. Zagreb, 1992. Р. 108) проводит сравнение описания Фомой осады со взятием Салоны аварами в начале VII в. Как отмечает F. Schmieder (см.: *Schmieder F. Menschenfresser und andere Stereotype gewalttätiger Fremder — Normannen, Ungarn und Mongolen (9.–13. Jahrhundert) // Gewalt im Mittelalter. Realitäten — Imaginationen* / Ред. M. Braun, C. Herberichs. München, 2005. S. 159–80), венгры восприняли монголов так, как их самих восприняли в Европе в X в.

⁵² *Thomas archidiaconus*. Гл. 39. С. 176; *Historia Salonitana*. Р. 252; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 119.

⁵³ *Rogeri Carmen miserabile*. Гл. 39. С. 584.

славянски⁵⁴: “Говорит вам это господин Кайдан, начальник непобедимого войска. Не принимайте у себя виновного в чужой крови, но выдайте врагов в наши руки, чтобы не оказаться случайно подвергнутыми наказанию и не погибнуть понапрасну”⁵⁵. Эти слова сильно напоминают сообщение древнерусских летописей о том, как в 1223 г.⁵⁶ татары призвали русских князей не оказывать помощи половцам.

Однако, согласно приказанию короля, стражи городских стен хранили молчание. После этого татары ушли, но в следующем месяце они еще несколько раз возвращались к городу. Поскольку Кайдан, по всей видимости, больше не надеялся поймать короля, он в заключение промаршировал со своим войском через Боснию, мимо Дубровника и Котора и далее через Сербию в направлении Болгарии, где он вновь встретился с основной частью войска под предводительством Батия, которая между тем уже покинула Венгрию⁵⁷. Получив известие о смерти великого хана Угедея, все войско направилось на восток; возможно, что эта весть послужила поводом для ухода Кайдана из Далмации.

В заключение Фома описывает последствия монгольских походов в Венгрии: из-за не собранного в 1241 г. урожая и из-за несостоявшегося посева в 1242 г. наступил голод. «И хотя все Венгерское королевство было истощено ненасытным мечом варварского неистовства, последовавший сразу же губительный голод довел, в конце концов, несчастный народ до полного истощения. ...А после этого словно из дьявольского логова появилось множество бешеных волков, только и жаждавших человеческой крови», которые доходили до самих поселений. Как предполагает корифей венгерской медиевистики Дьердь Дьерфи, из примерно двух миллионов людей в Венгрии один миллион погиб вследствие штурма монголов, и половина из них — в результате голода⁵⁸. Вопрос, насколько надежны эти данные, остается открытым; но не может быть сомнений в существовании последствий экономического и демографического характера. «И так все Венгерское королевство, беспрестанно мучимое в течение трех лет тремя названными бедами — оружием, голодом, зверьми, по приговору Божьего суда сурово поплатилось за свои грехи»⁵⁹. После данного высказывания Фома без особого перехода вновь возвращается к темам региональной истории.

По сравнению с древнерусскими летописями в толкованиях Фомы мы не находим так много замечаний религиозного характера. В то же время следует отметить, что у Фомы они отличаются гораздо большей выразительностью. Кроме того, в отличие от древнерусских летописей зло никогда не выступает в качестве противника Бога, способного к самостоятельным действиям. Несчастье интерпретируется Фомой повсеместно как наказание Божье. Даже если оставить без внимания религиозные толкования Фомы, необходимо отметить, что его повествование не является лишь описанием событий в определенном порядке. Как и во всей своей хронике, он стремится к толкованию, пытается объяснить поведение отдельных людей, а от случая к случаю и поставить себя на их место. Как рассказчик, он принимает ту или иную сторону.

Когда Фома говорит о «татарской напасти», то для него это не просто метафора негативного характера. То, как Фома описывает поведение людей по отношению к монголам, вполне напоминает реакцию на опасную заразную болезнь⁶⁰. В конце 33-й главы, упомянутой вначале, где идет речь о

⁵⁴ Подтверждение того, что в городах Далмации с их романским субстратом славянский язык уже давно нашел широкое распространение в связи с переселением славянского населения из прилегающих территорий и в ходе интенсивных контактов между городами и их окрестностями.

⁵⁵ *Thomas archidiaconus*. Гл. 39. С. 176–177; *Historia Salonitana*. P. 252; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 119.

⁵⁶ НПЛ. С. 62.

⁵⁷ Особенно подробно этой фазы касается V. Spinei (см.: *Spinei V. Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les œuvres des chroniqueurs italiens // Südost-Forschungen*. 61/62 (2001/2002). P. 1–47).

⁵⁸ *Cyörffy G. Ungarn von 895 bis 1400 // Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte / Подгот. H. Kellenbenz*. Bd. II. S. 625–665, особенно 627; *Göckenjan H. Einleitung // Der Mongolensturm*. S. 20–66, особенно 62: «[Hiervon] sollte sich das Land bis zum Ende des 13. Jahrhunderts nicht mehr erholen» («[От этого] земля не оправилась до конца XIII века»).

⁵⁹ Эта и предыдущая цитата: *Thomas archidiaconus*. Гл. 39. С. 178; *Historia Salonitana*. P. 254; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 120. В первой цитате затянная *lues inediae* противопоставляется *pestilens immanitas Tartarorum*.

⁶⁰ Ср., например: *Delumeau J. Angst im Abendland. Geschichte kollektiver Ängste im Europa des 14. bis 18. Jahrhunderts*. Hamburg, 1989 (kulturen und ideen. rowohlts enzyklopädie 503). S. 154–199 (первоначально *La peur en occident XIVe – XVIIIe siècles. Une cité assiégée*. Paris, 1978; есть и русский перевод: *Делюмо Ж. Ужасы на Западе*. М., 1994).

первых известиях из русских княжеств о событиях 1239 г.⁶¹, говорится следующее: «Однако многие считали это вроде бы шуткой». И вновь в 36-й главе, «О татарской напасти», касательно начала 1241 г. сообщается: «Когда новость о пагубном нашествии татарского народа дошла до венгров, она была принята ими за шутку или бессмысленный вздор»⁶². За фазой вытеснения следует фаза ужаса и оцепенения⁶³, затем необходимость выбора между попыткой бежать и сопротивлением, несмотря на опасность смерти. Как эпидемия не различает мужчин, женщин и детей, так и татары не щадят никого.

Заразная болезнь — в прямом и, как в данном случае, в переносном смысле — ведет к распаду космоса: «Тогда [после штурма Пешта] не было времени ни для проведения похоронных церемоний, ни для оплакивания смерти близких, ни для совершения погребальных обрядов»⁶⁴. Грозившее всем уничтожение заставляло каждого горестно оплакивать не других, а собственную кончину»⁶⁵.

Татары исчезают, в конце концов, также неожиданно, как и пришли; как и после эпидемии, быстро наступают будни. По сравнению с русскими княжествами, в которых походы 1237–1240 г. завершились длительным подчинением, вторжение татар в Венгрию в 1241–1242 г. и тем более их проникновение вплоть до побережья Далмации остались эпизодом, но сохранились в исторической памяти до настоящего времени.

Ряд высказываний Фомы о поведении татар и венгров можно свести к понятию «культурное недоразумение»: две группы, между которыми по причине совершенно различных ожиданий мирная коммуникация исключена, сталкиваются друг с другом. Столь отличные свойства татар не носят априори негативного характера. Фома признает за татарами наличие блестящих качеств: «Но нет в мире народа, который был бы так искусен в военном деле, который бы так же мог побеждать врагов будь то стойкостью или военной хитростью, особенно в сражениях на открытой местности».

То, что татары «внешним видом вызывают ужас», является лишь следствием того, что они, по описанию Фомы, выглядят иначе, чем известные ему люди; негативной оценки здесь пока нет. Для него они и не народ без прошлого. «Их страна расположена в той части света, где восток соединяется с севером»⁶⁶. Потом он повествует, правда, в несколько искаженном виде, о формировании империи Чингисхана, об осознании им своей миссии и о его решении начать завоевательные походы.

«И как много ни собралось бы людей, они, как немые, не проронят почти ни звука, но и ходят молча и молча сражаются». Это обстоятельство также не является чем-то негативным, а лишь на удивление иным по сравнению с описанным Фомой боевым кличем, например, при столкновении между подразделением вооруженных Сплитчан и пиратами из Омиша⁶⁷. Более противоречивые чувства вызывает тот факт, что женщины у татар также сражаются, дети приучаются к убийству. Неоднократно хронист подчеркивает невероятную жестокость татар и их готовность к насилию. Фома хоть и сравнивает

⁶¹ Венгерский король знал подробности об ужасах в русских княжествах самое позднее с тех пор, как хан половцев-куманов Котян, который в 1223 г. призвал русских князей к сопротивлению, в 1239 г. с частью своего народа искал защиты на венгерской территории.

⁶² *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 140–141; *Historia Salonitana*. P. 216; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 104.

⁶³ Те же самые фазы имеют место быть и в случае тяжелой болезни, которая касается только отдельного человека, ср.: *Schwarzenberg L., Viansson-Ponté P.* Den Tod verändern. Bericht eines Arztes. München, 1979 (первоначально *Changer la mort*. Paris, 1977). S. 149.

⁶⁴ Относительно погребения и службы, не состоявшихся во время мора, см. также: *Steindorff L.* Memoria in Altrußland. Studien zu den Formen christlichen Totengedenkens. Stuttgart, 1994 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 38). S. 92.

⁶⁵ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 167; *Historia Salonitana*. P. 232–234; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 112.

⁶⁶ *Thomas archidiaconus*. Гл. 37. С. 169, 170; *Historia Salonitana*. P. 238, 240; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 114, 113. Последнее высказывание рассматривается Акимовой (*Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 210, прим. 348) как свидетельство того, что Фома был знаком с трудом Платона Карпини; но поскольку прямые заимствования в других местах не обнаружены, то можно лишь предположить связь между этими произведениями. Размещение «между востоком и севером» встречается нам уже в ранних сообщениях древнерусского летописания о монголах в связи со сражением на Калке, ср.: НПЛ. С. 61.

⁶⁷ *Thomas archidiaconus*. Гл. 37. С. 171, 129; *Historia Salonitana*. P. 242, 210; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 115, 102.

татар с демонами, но он знает о том, что они люди: «С одинаковой жестокостью уничтожая весь род человеческий, они казались не людьми, а демонами»⁶⁸.

Когда Фома описывает умеренность потребностей татар и их лошадей, он явно приветствует данное качество, что сопоставимо с требованием аскетического образа жизни у христиан и дистанцируется от изнеженности, жажды развлечений и тщеславия, в чем он упрекает венгерских рыцарей и в чем он видит причину поражения в сражении у реки Шайо. Однако «они [татары] не связаны ни христианским, ни иудейским, ни сарацинским законом, а потому им не введома справедливость и не соблюдают они верности клятве. Вопреки обычаю всех народов они не принимают и не посылают посольств ни в отношении войны, ни в отношении мира»⁶⁹.

Здесь мы являемся свидетелями того, что наш местный хронист из Сплита в состоянии покинуть пределы собственной колокольни: в его суждении о татарах мы невольно замечаем дух солидарности с тремя основными монотеистическими религиями, ссылающимися на Авраама. В то же время он подчеркивает этим, как чужды ему татары, которым он, кроме того, приписывает совсем другие правила ведения войны.

Утверждение, что татары не были знакомы с практикой посольств, в узком смысле не является верным. Так, например, нам известны требования татар к русским князьям и их послание к жителям Трогира. Великий хан Угдей также отправлял посланников к королю Беле; но они были пойманы уже в Суздале. Письмо хана Беле с требованием подчиниться передал королю монах Юлиан после своего путешествия по русским княжествам; в письме хан одновременно выражал свое сожаление по поводу того, что Бела не отзывался ни на одно из тридцати посланий⁷⁰.

Разница состоит только в форме переговоров: компромиссы не допускаются; можно лишь выбрать между немедленным добровольным подчинением и опасностью быть уничтоженным⁷¹. Впрочем, с консолидацией монгольских ханств, сформировавшихся после распада империи, дипломатические миссии стали отправляться все чаще⁷².

Фома воспринимает и описывает войну как нечто чуждое ему из-за быстроты и подвижности легковооруженных войск по сравнению с рыцарскими войсками Европы того времени. Их тактика как при полевом сражении, так и при взятии городов неизвестна ему. Его удивляет отсутствие у монголов интереса ко взятию пленных с целью требования за них выкупа в дальнейшем. Вместо этого пленных либо обращали в рабство, либо, как было упомянуто ранее, убивали посредством планомерно проводимой резни, пленных же женщин зачастую уродовали, отрезая им носы. Архидиакона сбивает с толку равномерная жестокость по отношению к мужчинам, женщинам и детям; татары не пощадили под Сплитом даже больных проказой⁷³. Ведь в то время как многие люди из окрестности искали защиты в городе, прокаженные остались снаружи. К тому же татары, по всей вероятности, совершенно не представляли, на какой риск они шли, входя в контакт с больными.

⁶⁸ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36. С. 164–165; *Historia Salonitana*. P. 228–230; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 110.

⁶⁹ *Thomas archidiaconus*. Гл. 37. С. 36, 37, 170, 141–144, 169; *Historia Salonitana*. P. 216–218, 238–240; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 114, 108. Ср.: *Schmieder F.* Europa und die Fremden. S. 237.

⁷⁰ *Fratris Juliani epistula de vita Tartarorum* / Подгот. Н. Dörrie // *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O. P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tataren*. Göttingen, 1956 (*Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen I. Philologisch – historische Klasse*. 1956. № 6). S. 165–182, 3–16, особенно 4, 178–179. Не известно, достигло ли хотя бы одно из этих посольств Венгрии.

⁷¹ Об этом свидетельствует и Лаврентьевская летопись (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465): в сражении у реки Сить в 1238 г. князь Василько Константинович был взят в плен. Татары предложили ему покориться им и воевать с ними. Когда же он отказался, они его убили. Относительно того, что у городов были хорошие шансы посредством капитуляции избежать поджога и опустошения, ср.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 245–246 (ср. прим. 42). Тот же характер действий свойственен и османским завоевательным походам: их требование к противнику подчиниться имело религиозную почву.

⁷² Ср. *Schmieder F.* Europa und die Fremden. S. 328–335 с перечислением дипломатических миссий к ильханам Персии.

⁷³ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36, 39. С. 164, 175; *Historia Salonitana*. P. 230, 250; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 110, 118.

Но прежде всего Фома, как и древнерусские летописи, отмечает неуважение к священным местам и могилам. Татары вторглись в переполненный беженцами монастырь вблизи Пешта. Когда сын Белы Коломан в конце 1241 г. умер, он был похоронен в доминиканском монастыре у Чазмы в Славонии в тайном месте, «поскольку татары — этот нечестивейший народ — злодейскими руками оскверняли могилы христиан, прежде всего наиболее знатных, и раскидывали их кости».

К культурным недоразумениям можно было бы отнести и поведение монахов в следующем эпизоде: «Когда они подходили к обителям монахов, навстречу им, как бы высказывая должное почтение победителям, выступал собор клириков, облаченных в священные одежды, распевающих гимны и славословия, с дарами и подношениями, чтобы вызвать их сострадание к себе. Но те, совершенно лишенные милосердия и человеколюбия, презирая религиозное послушание и насмехаясь над их благочестивой простотой, обнажали мечи и без всякой жалости рубили им головы»⁷⁴.

И в заключение. Многие рассказы о войнах заканчиваются сообщением об установлении мира. После того как две враждебные стороны померялись силами и вновь установили, возможно, измененное равновесие, должно было состояться примирение и возобновление мирной коммуникации. Об этом, однако, у нас нет никаких сведений ни из древнерусских летописей, ни из латинских источников.

На Западе благодаря обстоятельным путевым заметкам постепенно сформировалось дифференцированное и лишенное демонов представление о монголах, но их ханства — не в последнюю очередь из-за расстояний — остались преимущественно за пределами сети политических связей и культурного обмена. Что же касается Русских княжеств, там на смену поражению и покорению пришла упорядоченная зависимость, на фоне которой произошло возвышение Москвы и «собрание Русских земель».

То, что здесь из-за непродолжительности рассмотренного периода, во время которого имели место первые контакты, удалось установить лишь в общих очертаниях, стало бы еще яснее, если бы было исследовано развитие представления о монголах как на Западе, так и в Русских княжествах: как другой при лучшем знакомстве становится в меньшей степени незнакомым и как в его поведении постепенно можно найти все больше сходства со своим. Резкость противопоставления своего чужому стирается.

Однако с позиции начавшегося XXI века вряд ли можно не заметить, прежде всего, то обстоятельство, что по планомерной жестокости и последствиям войны XX век однозначно превзошел годы монгольских походов.

---

⁷⁴ *Thomas archidiaconus*. Гл. 36, 37, 36. С. 167, 172, 165; *Historia Salonitana*. P. 234, 242, 230; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 112, 116, 110–111.